

дав у кого-нибудь, кто не угостил его добрым вином, он вызывал к себе слуг и говорил им: «Эх, и горемыки же вы, неужто не можете вы растолковать вашему хозяину, — тот-то, быть может, в этом ничего не смыслит, — как он вредит себе тем, что не может попотчевать своих друзей хорошим вином!». Мюло питал большую дружбу к г-же де Рамбуйе; прознав, что г-н Лизье, хотя и был человеком состоятельным, продолжает владеть небольшим участком земли, отданным ему когда-то в пожизненное владение свекром выщелазванной дамы, никак не мог с этим примириться и чуть ли не на каждом шагу норовил ему все высказать. Всякий раз, как он видел г-жу де Рамбуйе, первыми его словами были: «Сударыня, г-н де Лизье вернул вам землю?». В конце концов г-же де Рамбуйе пришлось встать перед ним на колени, чтобы добиться у него обещания никогда больше не говорить об этом. Г-н де Лизье давно позабыл, от кого он получил в подарок эту землю, или точнее говоря, позабыл, что ею владеет. Ни один человек не был так плохо осведомлен о собственных делах, как он.

На Кардинала довольно часто находили столь сильные приступы меланхолии, что он посылал за Буаробером и другими, кто умел его развлекать, и просил: «Развеселите меня, если знаете, как это сделать». И тут каждый дурачился, как мог, и когда у Кардинала становилось легче на душе, он снова принимался за дела.

Было замечено, что кардинал де Ришелье весьма сурово усмирлял мятеж «Босоногих»⁵² в Нормандии потому, что эта провинция когда-то имела своих государей, что она кичится своей древностью более чем какая-либо другая провинция, что она соседствует с англичанами и, возможно, все еще склонна к тому, чтобы иметь своего герцога.

Было также замечено, что запрещение взвешивать пистолы оказалось большой ошибкой; ибо их стачивали до того, что стоимость их по весу упала до шести ливров, и, когда приходилось вывозить золото из Франции, Король много на этом терял; в конце концов у Кардинала открылись глаза. По правде говоря, он избрал верный путь, дабы пресечь это злоупотребление, — он сразу обесценил такие пистолы. Пришлось затем принять решение касательно тех, кто их стачивал. Мониторы выдавал всех видовников Королю и убеждал присудить их к возможно более высокому денежному штрафу. Мошенников оказалось столько, что в Королевстве не хватило бы веревки, чтобы их всех повесить. Из-за некоторых членов Государственного Совета, у которых водилось неполновесное золото, был издан нелепый указ, запрещающий взвешивать пистолы. Это заставило начать чеканку ливров.

Кардинал выступил в Парламенте в присутствии Короля, и речь его, довольно пространная, наделала большого шума. Немало способствовал